

К. Коничев

ОБЫКНОВЕННЫЕ СЕВЕРЯНЕ

На лоне природы

Около Великого Устюга хороша охота на уток. До города доходит веселая Сухона, в Сухону в Устюге вливается спокойная река Юг, и из двух этих рек тут же образуется степенная и солидная — Малая Двина. Весной и летом здесь сплошное раздолье. Пенсионеру Ивану Николаевичу Щелкунову уже под восемьдесят, а его в эту пору дома редко когда застанешь. В лодке с ружьем, с удочками и вершами он постоянно рыщет по речным просторам и заводям, добывает себе и своей старушке Наталье Михайловне на прокорм всякую дичь и свежую рыбу. Бывает, что он охотится и рыбачит не один, а с кем-нибудь из соседей — устюжан, тоже любителей. Конечно, в помощи напарника он не нуждается, и на охоте, и на рыбалке вполне обойдется один и знает, что ничего с ним не случится, но посторонний человек ему нужен для повода, для веселья, для разговора. А поговорить Ивану Николаевичу есть о чем.

В теплый летний вечер после трудового дня Иван Щелкунов вытаскивает лодочку на приплеск и вместе с товарищем, который в три-четыре раза моложе его, идет на цветистый берег с ведерком, наполненным мелкой рыбешкой. Крупные окуни и щуки лежат у него в берестяной пестерке в лодке. Напарник собирает в кустах сушняк для костра, чтобы сварить уху, а Иван Николаевич перочинным ножиком тщательно вспарывает и очищает от требухи ершей и окуней.

Через час рыбаки, подобрав под себя ноги, сидят у костра и деревянными ложками черпают из ведра уху и, обжигаясь, едят разваренную рыбу. Едкий дымок отгоняет мошкарку, и сидят они, спокойно разговаривая о том, о сем.

Напарник полусхутя спрашивает Ивана Николаевича:

— Дед, а дед?..

— Какой я тебе дед?!— сердито обрывает его старик Щелкунов.— Да я на любом деле помоложе тебя; зови полностью Иваном Николаевичем, а не хочешь полностью, ну, зови просто Иваном.

— Ну, ладно не спорю,— соглашается парень, лежа на траве и любуясь на оранжевый закат.— Иван Николаевич, ты чего жадничаешь?..

— То есть?— сердито вскидывает Щелкунов бровями,— то есть? Как тебя понимать, в чем моя жадность?..

— Да вот, наварил рыбешки, какой-то мелюзги, а хорошую всю в берестянку отложил. На базар потащишь что ли?

— Нет, батенька мой, что покрупней да повкусней моей Наталье пойдет. Она у меня молодуха стоящая!..

— Ха! Молодуха. Сколько ей?

— Ну, да молодуха, меня на тринадцать лет моложе! Ты вот и орден заслужил, а по медалям судить, так всю географию европейскую прошел, а попробуй жениться — дадут ли невесту на тринадцать лет тебя моложе.

— Так ведь мне и всего-то двадцать третий. Если через десять лет жениться, то, пожалуй...

— А вытерпишь десять лет?

— Где тут, нынче позову тебя и Наталью на свадьбу.

— Не торопись, смотри не ошибись, не женись на легковерной...

— Да уж обдумую и к тебе за советом приду, — говорит парень больше из уважения к деду, сам думает о чем-то другом.

Несколько минут они молчат. Потом, раскинувшись на запашистой и мягкой луговине, Щелкунов ворчит:

— Не догадлив ты, парень, без подсказу поди-ка ничего не делаешь. Я варил уху, а ты ступай-ка, пока чешуя не присохла, ведро с песочком прополощи.

Парень быстро вскакивает и бежит с прокоптевшим ведром к реке. Старик пытается вздремнуть, но проклятые комары назойливо жужжат перед самым его носом. Закрыв лицо фуражкой, Щелкунов тихо сопит. Снова около него появляется спутник по рыбалке и начинает тормозить старика вопросами:

— Дед, а дед, извиняюсь, Иван Николаевич, почему ты не догадался себя и меня накомарниками обеспечить, без них от комаров спасения не жди теперь.

— А ты чего не взял, у тебя память посвежей моей, — отвечает старик, не поднимаясь и не скидывая с лица фуражки.

— Накомарник, накомарник, — твердит парень несколько раз, повторяя это слово, потом снова обращаясь к Ивану Николаевичу, говорит: — неправильно старики назвали накомарником, ведь сетка-то не на комара надевается, а от комаров; так бы и назвать — откомарник.

— Тебя тут не спросили, — возражает, не шевелясь, Щелкунов, — нечего на стариков вину валить, и вы, молодые люди, не всегда на слово горазды. Вот говоришь, обеспечить, а знаешь ли смысл этому слову?..

— Ну, значит, снабдить.

— Ничутьточки не бывало! — смеется старик и фуражка сползает с его лица, — обеспечить, это означает, скажем, сломать в доме печь, то есть оставить избу без печи.

После непродолжительного, глубокомысленного молчания парень высказывает свое изумление по поводу того, что нет ничего на свете такого, что не обозначалось бы словами. И откуда их столько берется? Потом его интересует вопрос о женитьбе, о любви, о прочности супружеских отношений.

— Иван Николаевич, сколько ты лет живешь со своей Натальей?

— Пока сорок два года и один месяц. Как вернулся с японской из флота, так и женился. Да, прожил сорок два года, ни разу не спокаялся. Вот она у меня какая!..

— И до сего дня любишь ее?

— Ну, что за вопрос. Конечно! Спервоначально любил как хорошую, доброхарактерную и верную жену, а теперь еще люблю и уважаю ее как мать замечательных сыновей и дочерей. Она ведь занималась их воспитанием, мне-то некогда было.

— Хоть бы рассказал, как и где ты нашел такую себе подругу жизни?

— Стоит ли, парень? Ведь и в былине-старине сказано:

„...Богатый хвастает золотой казной,
А глупый хвалится молодой женой...“

Впрочем, почему и не рассказать в назидание, как никак обещаешь на свадьбу позвать.

— И позову.

— Ну, вот, прежде чем мне рассказывать, а тебе слушать, бери-ка весла, да перемахнем на тот берег к сараям, на случай от дождя притулиться. Солнце в тучку закатилось да и ветерок с той стороны; опять же комары злые, кусают как собаки, — быть дождю...

Они перескают реку. В веслах сидит напарник. Начинает покрапывать сначала редкий и мелкий, затем обильный дождь. Оставив вытащенную лодку на берегу промеж кустов плакучей ивы, рыболовы идут в пустой настезь раскрытый сарай. Здесь в уголку, за простенком, старый и молодой ведут задумчивую беседу.

— Да, дорогой мой, длинна моя семейная сказка и всю мне не рассказать, придется тебе познакомиться с моей Натальей, она доскажет: у бабы язык повешен лучше, чем у меня. Если скоро думаешь жить своим умком, да своим домком, то есть обзаводиться семейством, то у моей Натальи поучиться есть чему. Вон каких детей-то вырастила: что ни сын, то офицер, что ни дочь, то интеллигентка!.. Каждому дитю в жизни у нас хорошее место. Один из них, — слышал, — средний Василий, — главная гордость наша — полковник авиации и Герой Советского Союза!..

— Слышал, слышал, — говорит напарник, — как не слышать, про семью Щелкуновых много говорят. Да и про тебя, старина, толкуют, что человек с крепкой головой и золотыми руками.

— Ну, про меня помолчим, о присутствующих не говорят. Вот дождичек перестанет, ночь летняя короче воробьиного шага, перед утром хороший лов на окуней будет, да из ружьишка бы парочки две утей щелкануть, нашему Щелкунову хватило бы, тогда и к старушке можно. При всяком случае ко мне добро пожаловать — Кооперативная улица, дом 13. Квартиру всякий покажет. Сами-то мы — уроженцы Архангельской области: я из деревни Прислон Котласского района, там и деток наплодили с Натальей, а она у меня родом из Подосиновца, из тех мест, откуда и маршал Конев. А женился-то я на ней в Петербурге, когда плавал на корабле „Память Азова“... Она тогда на служении у господ была и беловшейкой работала...

Старик на минуту умолк, напрягая свою память. Высокий лоб покрылся морщинами. Он с трудом припоминал давно прошедшие годы, припоминал и рассказывал своему напарнику о кругосветных плаваниях и о том, как, уволившись из флота, не захотел, чтобы его Наташа служила господам, взял ее и увез из Питера в Прислон на Северную Двину, на приволье. Он долго рассказывал и о том, как в годы гражданской войны на севере служил в речной флотилии и, имея военный опыт, дрался против интервентов. А потом — служба в речном флоте на северных реках; редкие побывки дома.

После долгих разговоров рыболовы, подстлав под себя выцветшие плащи, легли отдохнуть. Напарник спал крепко и храпел с таким усердием, что не уступал переключке коростелей, а Иван Николаевич дремал, полузакрыв глаза, изредка поглядывая на крышу сарая и ожидая, когда сквозь щели досок покажутся проблески рассвета, — как бы не упустить момент удачного лова...

... В то воскресное теплое утро, когда старик Щелкунов с напарником подвизались на лоне природы, я ехал в Великий Устюг с прямой целью — встретиться и побеседовать с Натальей Михайловной Щелкуновой.

Чувство матери

Солнце поднялось высоко, но часы показывали только пять утра. Пароход, хлюпая глицями колес, бороздил гладкую, словно застывшую поверхность разлившейся реки. У причалов дымили пароходы; десяток древних белокаменных церквей, вышине придавал Великому Устюгу старый заповедный вид. Я спешу на Кооперативную, 13. Во дворе у колодца встречаю Наталью Михайловну Щелкунову. Старушка — годы перевалили за шестьдесят, но силенка еще есть, иначе не гремела бы ведрами. Знакомимся. Спрашиваю — где их квартира вверху или внизу двухэтажного дома.

— Вверху.

— Тогда, позвольте, ведра с водой я занесу.

— Ой, что вы, что вы, сама... разве это тяжесть?..

Мы поднимаемся по крутой лестнице. Пока Наталья замачивает на кухне белье в корыте, я осматриваю помещение. Две больших смежных комнаты. Множество цветов. В раскрытые окна вливается приятный запах садов. Солнечные лучи, прорываясь сквозь цветочные барьеры, расставленные на подоконниках, разбегаются вдоль пестрых хорошо постиранных половиков. На стенах и на комодке масса фотоснимков с изображениями награжденных офицеров — это дети Натальи и их боевые, фронтовые друзья.

На столах и на полках замечаю прозрачные в лежачем положении бутылки, в них, неведомо, каким-то колдовским способом втиснуты макеты кораблей тонкой художественной работы. Невольно задерживается мое внимание на этих многочисленных чудесных бутылках.

Наталья Михайловна идет из кухни и на мое изумление отвечает:

— Это мой старик, Иван-чудодей, такие штуки выделяет. Вернется с охоты с ним поговорите. Многие видят как он это делает, но никто не может так сделать.

Отвлечшись на некоторое время от интересных изделий, мы с Натальей Михайловной заводим продолжительную беседу о семье Щелкуновых, о трудном деле — воспитании детей...

Добрая, тихая старушка не слишком словоохотлива, но то, что я слышал от нее, достойно внимания.

Давние, дореволюционные годы. Нужда забросила ее в Петербург. Жила, убиваясь на работе и влача полуголодное существование. И, казалось, что любимая в то время в их среде песенка —

Эх, ты бедная, бедная швейка
Пострадала с двенадцати лет.
Нелегко доставалась копейка —
Много вынесла горя и бед.

кем-то составлена про нее, про северянку Наташу, заброшенную в далекий полный богатства и бедности, Петербург. Потом с годами „на Васильевском малом острове“ встретился земляк — матрос Иван Щелкунов. Дружба. Замужество, и снова северная деревня, другие заботы и не менее тяжкие дела. А главное — многодетность. Но где же они, выросшие дети, где семья Щелкуновых?..

Наталья Михайловна торопливо подходит к комоду и начинает подбирать фотографии своих любимых питомцев.

— Вот они где, — говорит она с гордостью и, глядя на фотоснимки, глаза у нее влажнеют, — все они вместе и каждый в отдельности живы-здоровы в разных концах России-матушки и все они в моих чувствах материнских, в сердце моем...

Она — счастливая и гордая мать — садится со мной рядом и дрожащими руками суетливо раскладывает фотоснимки у себя на коленях.

— Вот, начнем со старшего — Владимиром звать. Родился он на второй год после Японской войны. Как взяли в армию, все время служит в морской авиации, тут видите, в чине капитана; снимался давненько, теперь он — отец говорит — стал званием повыше. Для меня-то они все одного звания — дети. Все любви, все дороги. А отец, тот еще и по званиям различает своих деток. Да, Володя у меня на Дальнем Востоке. Мы вот тут с вами сидим, время в Устюге только седьмой час утра, а там, где Володя, наверно, уже час дня. Он, поди-ка, налетался на самолете и теперь обедает...

Наталья откладывает фотоснимок в сторону, берет без разбора другой, любит на молодое лицо самого меньшего и говорит:

— Этот вот на двадцать лет моложе Володи. Звать — Фридрих Иванович, отец так окрестил в честь Энгельса. (Иван-чудодей у меня коммунист с восемнадцатого года). Фридрих пошел на войну добровольцем и сейчас пребывает дальше всех! — на Курильских островах. Недавно, я встретила одного демобилизованного с Курильских и все, все расспросила, что за острова и что там за жизнь. Чудные места! Там теперь два часа дня, а то и побольше. Воскресение, значит у Фридриха выходной. Наверно с товарищами ходит по бережку возле океана а рыбы там страсть! Наловит самой лучшей, а варить и костер разводить не надо. Демобилизованный сказывал: там из-под земли горячие ключи бьют, настолько горячие, что набери котелок, да брось кусок мяса и суп готов. Вот ведь какие на земле есть места. Там, говорят, земля-то потоньше нашей будет...

Наталья Михайловна долго смотрит на миловидного меньшака — девятнадцатилетнего добровольца, бережно кладет снимок на стол и берет следующую фотокарточку.

— Это вот Колька. Ему уже тридцать минуло. Тоже военный, специалист по телефонной части. И в финскую и в эту войну воевал, ранен не однажды, а жизни не лишился. Конечно, награжден. А это вот дочка — военный врач Зинушка, после войны в Иркутске обосновалась на житье и терапевтом по внутренним болезням работает. Хотела было выучиться на хирурга, да я мягкосердечная отсоветовала: женское ли дело с ножом в руках вокруг больных возиться?.. Пишет — живет хорошо. Иркутск ей нравится, а особенно там река Ангара почище нашей Сухоны. На любой глубине дно видно и как рыба плавает — все видно. Омуть там водится, а у нас этой рыбы нет... Вот вы посидите, побеседуйте. Мой Иван должен скоро появиться. Он на охоте и на рыбалке — с пустыми руками не придет. Тогда что-нибудь зажарим, может и наша сухонская стерлядь не уступит иркутскому омулю. Про Зину сказать больше нечего. Жду от нее ввучат. Вот и все...

Теперь вот эта, смотрите, какая с виду залихватская, Аннушкой звать. Угадайте, кем она работает? — спрашивает Наталья и, усмехаясь, прямо смотрит на меня испытующим взглядом, стараясь определить, насколько я внимателен к разговору и умею ли разбираться в людях по их внешним признакам.

— Не могу сказать, Наталья Михайловна, не знаю, но вид у девушки боевой.

— Да, она у меня боевая, характером вся в меня — детей очень любит. Своих пока нет, так она, как война кончилась, — чужих воспитывает. У нее на плечах целый детский дом. А детей воспитывать — сами знаете, — дело не легкое. Уметь надо. У меня, как видите по фотокарточкам, целая их куча. Всех вырастила и в люди выпустила. Добрым словом воспитывала, не бранью, не побоями, и учились все без принуждения, у каждого и об учебе, и о деле своя забота и прилежность были. Да разве можно грубить своим детям? Я не понимаю тех матерей, которые коршуньем на малюток насакаивают.

Сама в молодости по чужим людям жила, так знаю какво было терпеть от господ обиды да подергушки. И поняла я, воспитывая своих деток, что от доброго материнского слова, да от заботливого присмотра больше детям проку, чем от грубости. Не нами еще сказано: — нет такого дружка, как родна-матушка; у меня, можно сказать, почти все детки своими семьями обзавелись, однако скажу, что — жена для совета, теща для привета, а нет родней и милей своей матушки. Конечно, все дети для меня равны, а этот вот среди всех самый почетный и важный. Не так давно в отпуск приезжал с Украины, там служит. Может и вы про него слышали или где-нибудь читывали: полковник авиации, Герой Советского Союза Василий Иванович Щелкунов. Подивитесь, какой орленочек из нашего гнезда вылетел!..

При этих словах Наталья Михайловна передала мне портрет сына героя и печатные бумаги с описанием его подвигов. Потом она долго рассказывала о сыне-герое все, что знала о нем. А знала она об этом сыне много и по его письмам, и по газетным вырезкам, и по рассказам самого Василия, навестившего отца и мать весной этого года.

Приметив, что я быстро и тщательно записываю ее рассказ, Наталья Михайловна предупредила:

— На слово-то я не очень складная, вы моими-то словами не пишете, а обмозгуйте, да от себя хорошенько. Сынок у меня Васильюшко стоящий. Одних орденов, давайте посчитаем, сколько: Золотая звезда, два ордена Ленина, два Красных Знамени, один орден Красной Звезды, да орден югославский — за помощь сербам, да орден американский — восемнадцать американских летчиков спас. Медалей разных порядочно. Американцы-то за героизм ему, кроме ордена, еще и самолет подарили. Небось о моем Васе и в Америке знают?..

— Знают, Наталья Михайловна, конечно знают. Те же восемнадцать американских летчиков тысячам людей расскажут, как русский полковник их вывез на своем самолете, спас от позорного немецкого плена.

— Он тогда подполковником был, — поправила меня мать героя.

Из всего рассказанного счастливой матерью счастливых и храбрых сынов я уловил и представил себе четко и ясно ее материнское чувство, ее любовь к своим детям...

К слову сказать, характерен такой случай:

Дело было осенью 1941 года, в один из первых налетов нашей бомбардировочной авиации на Берлин. По радио было сообщено, что из десяти бомбардировщиков, один не вернулся на нашу базу.

Наталья Михайловна, как только услышала по радио такую весть, сразу же вслух подумала:

— Не наш ли это Вася не вернулся? Что-то сердце так и кольнуло, как услышала...

— Ну, не может быть, — успокаивающе тогда заметил ее супруг Иван Николаевич, — мало ли сейчас добрых людей летает. Нет, уж это кто-нибудь другой.

С беспокойным чувством провела ту ночь Наталья Михайловна, думая о сыне-летчике. Она представляла себе множество различных положений, в которых мог оказаться ее любимый Вася. То ей думалось, что подбитый самолет вместе с сыном врезался в гущу берлинских домов; то казалось, что Вася спрыгнул с парашютом, попал к немцам в плен и теперь его пытают, издеваются.

А на другой день вечером соседи, встречая Наталью и Ивана, поздравляли их и говорили:

— Слышали по радио добавление к вчерашним известиям?

— Нет, не слышали.

— А ведь там про вашего сынка было сказано, что отставший самолет, пилотируемый летчиком майором Щелкуновым, подбитый, с одним мотором благополучно приземлился на своем аэродроме.

Потом об этом случае родители узнали и от самого сына, который в письме подтвердил известия, переданные по радио.

Наталья Михайловна была изумлена: сердце-вещун, оно быстрее радио подсказало ей, что на отставшем самолете был не кто иной как ее сын. Но почему же так? Какая невидимая сила в тот момент потревожила материнское чувство?..

— Это очень просто, и ничего удивительного и неестественного, — пояснил в ту пору Наталье ее муж, рассуждая здраво и ничему не удивляясь, — это и есть так называемая случайность, — определил он и растолковал: — если тысячи матерей, имеющих сыновей летчиков на фронте, слушали эту радио-весть о пропавшем самолете, то вероятно каждая из них подумала: „а не мой ли там сынок летал?“ Ты, Наталья, одна из тысячи и только...

Много раз Василий Щелкунов участвовал в налетах на Берлин и другие немецкие города, был ранен, контужен. Лежал в госпитале. Потом снова с другом и земляком — северянином Малыгиным часто в позднюю вечернюю пору на своем бомбардировщике набирал высоту в семь тысяч метров и по ту сторону облаков, оглашая шумом моторов поднебесье, вез Гитлеру оглушительные „гостинцы“.

И в эти далекие, героические рейсы его всегда незримо сопровождали сердечные чувства и заботы любящей матери.

„Иван-чудодей“

Под вечер с охоты и рыбной ловли вернулся Иван Николаевич, загорелый, усталый. Он поставил на кухне корзину со свежей рыбой, сверху закрытой двумя селезнями и, обращаясь к жене, сказал весело:

— Михайловна! Навари-ка, да поджарь, для тебя ничуть не жаль!.. Да кстати и прибывших людей подкормим малость...

Спутник Ивана Николаевича вежливо поздоровался с Натальей Михайловной и по просьбе хозяина и хозяйки стал располагаться как дома. Пока он умывался холодной водой и утирал лицо и шею вышитым рукавником, в квартиру зашел еще посетитель и отрекомендовал себя корреспондентом газеты „Речной транспорт“, показав при этом аккуратенькую книжечку с фотографией своей личности, с печатью и двумя заковыристыми подписями.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Удостоверение не обязательно показывать, слову верю и сразу вижу прибывлого человека. Чем могу быть полезен? — спросил старик Щелкунов вошедшего.

— Добрые люди послали к вам, Иван Николаевич, говорят вы старый моряк и ветеран Северного речного флота...

— Все возможно, все возможно. Сейчас я уже пенсионер, отплавал свое. Однако, что вас заинтересует, могу рассказать. Садитесь — одним гостем больше будет. Михайловна! Пошевеливайся там на кухне, а гостей я занять сумею. Слов нехватит — я им на баяне могу сыграть: хоть „Варяга“, хоть „На сопках Маньчжурии“.

— Как, Иван Николаевич, вы и на баяне играете? — с удивлением спрашивает представитель газеты.

— А как же, играю, только вот Михайловна на танцы не пускает, — шутливо отзывается Щелкунов — счет, говорит, годам потерял. Ну, это она врет, потерять не потерял, а в цифрах немножко путаюсь — не то семьдесят во-

семь, не то восемьдесят семь, что-нибудь одно из двух. Одним словом для персонального пенсионера лета совершенные. Для рыбакова и охотника немножко многовато, однако и тут справляюсь: глаз верный и рука не дрогнет...

Не пришлось старику Щелкунову братья за баян и показывать свои музыкальные способности, сохранившиеся с молодых лет. Посетители кинулись рассматривать те изделия, за которые люди прозывают Щелкунова „Иваном-чудодеем“.

— Смотрите, смотрите, — с улыбочкой говорит Иван Николаевич, — что сделано покажу, а как сделано не скажу, это секрет изобретателя...

— Где, у кого вы обучились так мастерить макеты, да еще в стеклянных посудинах? — нетерпеливо спрашивает представитель редакции.

— Сам у себя, — коротко отвечает Иван Николаевич, и как бы тем самым дает понять, что он не намерен вступать в излишние рассуждения на эту тему.

И кто знает, быть может у старого моряка за каждым, великолепно исполненным макетом кроются воспоминания о пережитом прошлом. И на творение своих рук он, Иван-чудодей, смотрит гораздо глубже невелики кто-либо из его посетителей. Многие макеты, заключенные в стеклянные посудины, точно изображают известные в истории русского флота корабли. Вот миниатюрное судно: оно для чужого и холодного глаза может показаться изящно сработанной безделушкой. Ивану Щелкунову было бы крайне обидно такое мнение. Нет, это не безделушка!.. Макет „Памяти Азова“.

На этом судне лучшие молодые годы своей жизни провел Иван Щелкунов. Ему есть чего вспомнить: и далекие плавания, и трудовые и боевые дни, и печальный конец этого судна. „Память Азова“ в августе девятнадцатого года на Кронштадтском рейде торпедировали англичане. Со стороны Финляндии прорвались семь британских торпедных катеров. Наши моряки-артиллеристы не остались тогда в долгу: пять катеров меткими выстрелами были пущены на дно Финского залива...

Вот еще макет боевого судна старого образца. Словно из песни, с матросского дружного голоса сорвался и попал в хрустальное обрамление — гордый красавец „Варяг“. Корабль — герой. И дело, конечно, не в том, как делаются макеты судов, на эту сторону и сам Иван Николаевич смотрит как бы шутя. Но главное — память, история. Всем известен геройский подвиг команды этого судна. Но мало кто знает дальнейшую судьбу „Варяга“. Не будем беспокоить навязчивыми вопросами старого моряка и ветерана-речника Ивана Николаевича, обратимся к небольшой справке:

...„Крейсер „Варяг“ 8 августа 1905 года был поднят японцами, отремонтирован и введен в строй под названием „Соя“. В январе 1916 года Русское Морское Министерство купило в Японии крейсер „Варяг“ и броненосцы „Полтаву“ и „Пересвет“. Все эти корабли, сведенные в отряд особого назначения, вышли 18 июня 1916 года из Владивостока в Мурманск. Во время перехода в Атлантическом океане отряд попал в сильный шторм и на крейсере „Варяг“ сдвинулись некоторые фундаменты котлов. Хотя „Варяг“ вместе с остальными кораблями благополучно дошел до места назначения, однако вскоре его направили в Англию для ремонта. Расходы на ремонт не были утверждены и крейсер „Варяг“ остался в Англии. В 1918 году был закончен его ремонт и английское адмиралтейство включило крейсер в списки своего флота. Некоторое время „Варяг“ плавал под английским флагом

и перед самым концом первой мировой войны был потоплен германской подводной лодкой у острова Мен. (По материалам из книги Ларионова „Авария царского флота“).

*Начальник Центрального Военно-Морского музея
Капитан I ранга Кобыльских.*

2 апр. 1947г.
№ 367

Такова судьба этого исторического корабля, снискавшего себе мировую славу в 1904 году.

... Посетители нахмуренного „чудодея“ продолжают рассматривать точные макеты разных судов военного типа. Иван Николаевич, следя за ними, предупреждает, чтобы осторожно обращались с посудинами, не разбили их, иначе вся кропотливая работа пойдет насмарку.

Над макетами он „колдует“ только в свободные длинные зимние вечера. Сейчас лето — не время ими заниматься...

— Без настроения такое дело не делается. Хоть и кажется, что это пустяк, а на-ко, попробуй сделай. Видали!? — тут Иван Николаевич, подняв руку, показал подвешенную к потолку стосвечевую электролампочку, а в ней макет лучшего, самого крупного двинского пассажирского парохода!.. Потом из соседней комнаты он выносит большую, изящную, чистого стекла посудину аптекарского происхождения и, показывая свою последнюю, в основном уже законченную, работу, говорит:

— Хорошо получится, так пошлю в Москву, в музей. Разбирайтесь, что тут такое, — и осторожно положил посудину на стол, накрытый праздничной скатертью.

— Вот это да!

— Здорово получается! — слышались возгласы восхищения посетителей.

— Панорама Устюга...

— Нет, ошибаетесь, — возразил Иван Николаевич, — присмотритесь хорошенько, если вы бывали в этом городе, то должны узнать его. Иначе: или вы не наблюдательны, или я разучился работать точно.

Определить было не трудно. В большом чистейшего стекла резервуаре, с узким и коротким единственным отверстием сверху, на грунте, покрытом зеленью, разместился древний город Сольвычегодск с улицами и переулками, с Вычегдой, пристанью и парходом у причала, а главное в этом городке на одной из улиц два домика — один против другого, в которых в годы царской ссылки в 1909 и в 1911 годах под надзором полиции жил товарищ Сталин.

Макет Сольвычегодска поразил посетителей. Долго и внимательно они рассматривали изумительное искусство Ивана-чудодея, дивились его хитроумной изобретательности, дивились и никак не догадывались о способах бесподобного, тончайшего мастерства.

— И долго вы трудились, Иван Николаевич, над макетом Сольвычегодска? — спросил один из посетителей.

— Да, как сказать, — уклончиво ответил хозяин, — такое дело скоро не делается. Однако я не китаец; китайцы по тридцать лет сидят над художественной шкатулкой. Там один слой лакировки просыхает целый год. Дело все любительское: пенсионера никто не торопит, сиди себе старайся. Вот почему я и зажился. Кончу эту работу, сразу возьмусь за другую, чтоб умирать было некогда...

Корреспондент уже разложил свой блокнот и хотел Ивана Николаевича обстреливать бесконечными вопросами, но в это время Наталья Михайловна

принесла из кухни громадную сковороду жареной рыбы. Вокруг здоровенных окуней и язей хлопотало и пузырилось вскипевшее масло.

— Ну, гости любезные, подсаживайтесь к столу. Иван, подстели газету, а чтоб скатерть сковородой не запачкать.

Поставив сковороду, хозяйка тотчас ушла на кухню и снова загремела посудой.

— Садись и ты, Наташа, без хозяйки-то какое уж дело, — вежливо предложил Иван.

— Кушайте на здоровье, а я вам селезня ощипывать буду...

На кухне в загнете потрескивали догоравшие щепки. Запах свежей жареной рыбы распространился по всей квартире. Посетители не прекословили, сели к столу и хвалили причудливые макеты оригинального старика Щелкунова.
